

Литературные известия

№ 3 (179)

Март 2020

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПОЭТЫ

Сегодня в
номере:

Легендарные поэты
Афанасий Фет

*

Портреты поэтов

*

Книжные новинки

*

Классика русского авангарда

*

Литературный кроссворд

«У ЛЮБВИ ЕСТЬ СЛОВА...»

(к 200-летию Афанасия Фета)

«Шепот, робкое дыхание, трели соловья...», «Сияла ночь, луной был полон сад...», «На заре ты ее не буди...», «Я пришел к тебе с приветом...», «Уж верба вся пушистая...», «Зреет рожь над жаркой нивой...», «Это утро, радость эта...»

Стихи живут, дышат, благоухают, переливаются радужным полноцвётём, трепещут, как взволнованное сердце.

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна.

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

(«Чудная картина...», <1842>)

Как знакомо, как близко русскому сердцу, как тепло на душе. И все это — Афанасий Афанасиевич Фет (1820 – 1892).

За краткой, как сдержанный вздох, фамилией Фет — много неразгаданных тайн: загадки его рождения и происхождения, любви и трагической гибели его возлюбленной, секрет неизменного чувства к ней до последних дней жизни поэта.

Продолжение на стр. 3

НОВОСТИ

ЛАУРЕАТЫ ГАЗЕТЫ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗВЕСТИЯ» ЗА 2019 ГОД

Лауреатами премии газеты «Литературные известия» за 2019 год стали:

Поэзия

- **Евгений Волков.** «Жребий брошен». Стихотворения, № 1, 2019
- **Алла Ходос.** «Утро уже на пороге». Стихотворения, № 2, 2019
- **Ирина Голубева.** «Росточки-веточки». Стихотворения, № 3, 2019
- **Владимир Алейников.** «В этих краях». Стихотворения, № 4, 2019
- **Инна Ряховская.** «Живу, дышу, люблю». Стихотворения, № 7, 2019
- **Иосиф Рабинович.** «Во сне и наяву». Стихотворения, № 8, 2019
- **Екатерина Блынская.** «Раскаленное олово слова». Стихотворения, № 10, 2019

Проза

- **Людмила Осокина.** Зарплатный день. Рассказ, № 4, 2019
- **Ольга Михайлова.** Рассказы, № 6, 2019
- **Марианна Рейбо.** Послание к незнакомому мужчине. Рассказ, № 6, 2019
- **Александр Файн.** «Черньского нам привези». Рассказ, № 10, 2019
- **Вадим Гиршгорн.** Рассказы, № 11, 2019

Критика и литературоведение

- **Нина Краснова.** Рецензия на книгу Игоря Волгина «Толковый словарь», № 5, 2019
- **Владимир Спектор.** Рецензия на книгу Леонида Подольского «Судьба», № 12, 2019

Очерк

- **Борис Амчиславский.** Эдуард Амчиславский. Последнее пристанище родителей Леонида Утёсова, № 8, 2019

Премии газеты «Литературные известия» вручаются за лучшие публикации года.

Поздравляем уважаемых лауреатов! И ждем от них новых произведений.

Главный редактор газеты «Литературные известия»,
Президент Союза писателей XXI века
Евгений СТЕПАНОВ

РЕКЛАМА

МАГАЗИН
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

LITLAVKA

(WWW.LITLAVKA.RU)

КНИГИ И ЖУРНАЛЫ
ПО ЦЕНАМ
ИЗДАТЕЛЬСТВА!

Доставка
по Москве от 1 дня.

Тел. (495) 971-79-25

УТРАТА

ПАМЯТИ ЭДУАРДА ЛИМОНОВА

Или так:

Половина его жива
(старика половина жива)
а другая совсем мертва
и старик приступает есть

Все, переходящие подростковый возраст и приступающие жить дальше, наполовину мертвы; всех сотрясают мысли о смерти: даже тщательно скрывающих это...

Простота поэзии Лимонова обманчива: изломы ее сверкают тайной, каковая не подлечит разгадке, как не подлечит ей и смерть.

Проза сильно проезжала по стихам Лимонова: сильно, всеми колесами, всею властью: прикоснувшись к которой он получил изрядное признание...

...и все равно — Лимонов не очень ассоциируется со смертью, только с жизнью, в том числе и с поэтической ее областью...

Александр БАЛТИН

Лимонов и смерть — несочетаемые сочетания: слишком избыточно в нем было жизни, бунта, живого неистовства; слишком спешил, казалось, хотел успеть поучаствовать во всех войнах, записать все, что пережил...

Стихи (а сейчас мне хочется говорить о Лимонове-поэте) его выкраивались из бумаги простоты: залитой харьковскими окраинами в той же мере, в какой эссенцией обэриутов, и, вероятно, Хлебникова, которого почитал крупнейшим поэтом века — прорывшим словесные ходы на много столетий вперед.

Смерть появлялась в стихах Лимонова: без брутальности и экзистенциального окраса: как-то так:

— Умираешь умираешь
Драгоценный в важном чине
Вспоминаешь вспоминаешь
О реке и о речной морщине

...будто в этот излом морщины и предстоит кануть, когда придет время...

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

АННА ШМАЛИНСКАЯ
НОВЫЙ ДЕНЬ

Анна Шмалинская – поэт. Родилась в 2003 году в Тюмени. В детстве – музыкальная школа (с отличием), живопись (участвовала в выставках). Стихи пишет с 14 лет. Свободно говорит на английском, французском, испанском, учит латинский. Пробует себя в стихотворных переводах. Стихотворение «Мой мир раскрашен в ровную полоску» вошло в лонг-лист XVII Международного литературного Волошинского конкурса в номинации «Киностихотворение». Финалист премии «Поэт года 2019» в номинации «Дебют». Лауреат премии имени Эрнеста Хемингуэя за 2019 год в номинации «Юношеский дебют». Автор многочисленных публикаций и книги стихов. Член СП XXI века.

Зачем говорю –
дрожит голос мой.
Я вижу зарю –
не видит слепой.
Прыжок, а не шаг –
и я не вернусь.
Исчезнувший враг –
пришедшая грусть.
Подумаешь: бред –
останься в аду.
Подумаю: свет –
и дальше пойду.

ТЫ МНЕ НАПИСАЛ НЕОБИДНУЮ СТРОЧКУ

Ты мне написал необидную строчку,
Что я не умею любить.
Но в спорах напрасных поставлю я точку:
Забудем – оборвана нить.

Из прежних обид и пустых разговоров
На память сплету узелок.
Тебя я увидеть надеюсь нескоро –
Пусть будет пробел между строк.

Вдруг вспомнила, как рисовала наивно
Сердечки в своем дневнике,
Пыталась казаться себе объективной
В короткой, но емкой строке.

В пути растеряла невинные мысли
И чувства, что были легки...
А письма твои – будто разом прокисли.
И нет – ни любви, ни тоски.

НЕ РАЗЛЮБИТЬ

Меня не поломать, не покалечить,
Я – тень огня.
А твой земной удел, увы, не вечен –
Не для меня.

Не тем поверил и не то представил?
Мне очень жаль.
Нет скромности, покорности и правил?
Но в сердце – сталь.

Я брошу расставания и встречи
В костер судьбы.
Меня не поломать, не покалечить...
Не разлюбить.

РАЗГАДАТЬ

Разбудить, разгадать, разуверить,
Разложить по местам черепки.
Не умен, не прощен и не верен –
Вместо счастья остались ремки.

В темноте одиноко смотрю
На движения рваные рук.
Взрыв отчаянья вырвется вдруг,
Превратившись в ночную зарю.

Но, отбросив пустые клише,
Завяжу узелки на душе...

НАДОЕЛО

Позвать, понять, поверить... надоело,
Закончить все и попросту послать.
Не верил, что в себе найду я смелость?
Нашла. Теперь ты – пыльный экспонат,
Несбывшейся любви окаменелость.
Но – хватит выяснять «Кто виноват?»
И спрашивать без устали «Что делать?»...
Достану из стола листочек белый
И новый день начну я рисовать.

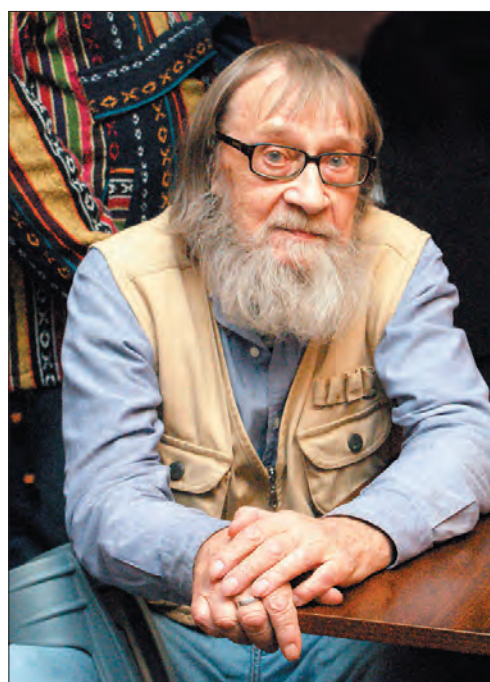
МЕНЯ НЕ ДЕРЖИ

Меня не держи –
сейчас улечу.
Горсть собственной лжи –
в лицо палачу.

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

ПРИЧУДЛИВЫЕ ОРНАМЕНТЫ МИХАИЛА ЕРЁМИНА

Стихи Михаила Ерёмина не подразумевают широкой аудитории, как не подразумевает ее определенного рода музыка: Яначека, например, или Губайдулиной; тем не менее, наличие таких, присутствие в полях поэзии необходимо, как необходимы все цветы:

Роскошно скошен луг.
В среде ромашек инфантилен,
Как мяч, попавший под каблук,
На шуку жалуется филин.
Полукошачий организм
По-птичьему кутается в сякоть,
А шука дремлет, как карниз,
И поворачивается под лапой.

Нечто детско-наивное мерцает в стихах забытым счастьем (взросление всегда, отчасти, изгнание из рая).

И – на эти детские разводы наслаивается изощренность поэтической техники, чьи технологии тоже, как будто, зашифрованы поэтом, или закамouflированы им.

В стихах Ерёмина происходит то, что невозможно – как вы представляете себе полукошачий организм, по-птичьему кутающийся в сякоть? – но именно абсурдность подобного рода показывает возможности амплитуды сознания, поднимающе-

го порой к такой запредельности образов, что непонятно – как это возможно.

Там тени павших пашут на ресницах,
Там, в царстве доадамовой смекалки,
Кентавры негодуют по-оленьи,
В соперника втыкая томагавки.

Причудливо смешиваются пласты мира, его культурные слои – так дети мешают свои игрушки, чтобы потом, сортируя их, заглядывая в старые ящики, вспоминать периоды собственного роста.

Нечто от серебряной скани, финифти проскальзывает в изощренных, причудливых словесных орнаментах Ерёмина, и, кажется, это нечто связано с самой сокровенной тайной поэзии, которую не разгадать никогда.

Александр БАЛТИН

Тонкость организации стиха есть тайна.
Капсулы расшифровки, предлагаемые литературными критиками, всегда условны...

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПОЭТЫ

«У ЛЮБВИ ЕСТЬ СЛОВА...»

(к 200-летию Афанасия Фета)

Продолжение. Начало на стр. 1

На его могиле в селе Клейменово Орловской области значится фамилия Фет-Шеншин. Двойная фамилия, двойственная жизнь, раздвоившаяся судьба: автор поэтических шедевров и помещик, рачительный хозяин нескольких имений; бедняк и богач; безродный иностранец-разночинец и знатный русский дворянин; проникновенный лирик и уездный мировой судья; влюбленный, до конца дней своим сердцем преданный погибшей от любви к нему девушке, и муж своей супруги в безлюбовном браке. И все это — тоже Фет.

Как писал Алексей Жемчужников в стихотворении на смерть поэта:

Искупят прозу Шеншина
Стихи пленительные Фета.
(«Памяти Шеншина-Фета», 1892)

Когда Фету было под семьдесят и, говоря его же словами, уже светили «вечерние огни», родилось это потрясающее признание:

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, —
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.
(«Нет, я не изменил...», 1887)

Этим стихам более 130 лет, но до сих пор они изумляют поэтическим выражением неувядающей, по-юношески пламенной силой любви, преодолевающей все, что может разъединить людей, — время и саму смерть.

Обращаясь к давно ушедшей из жизни возлюбленной, как к живой, поэт утверждает:

Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.
(«Alter ego», 1878).

Это строки из стихотворения «Alter ego», что в переводе с латыни означает «второе я». Так древние римляне называли самых дорогих и близких им людей. Своим «вторым я», своей «второй половиной» — как говорят в русском народе — Фет считал девушку, которую встретил и потерял еще в годы своей молодости, но не смог забыть и «до старости глубокой»:

Та трава, что вдали, на могиле твоей,
Здесь, на сердце, чем старе оно, тем свежей («Alter ego»)

«Жизнь моя, — признавался поэт, — самый сложный роман».

Видений пестрых вереница
Встает, усталый теща взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят... («У камина», 1856)

Художественная образность стихотворения «У камина» очень характерна для фетовской лирики. Поэта мистически заворажи-

вал открытый огонь, будь то пылающий камин, раскаленная печь, полыхающий костер, дрожащее пламя свечи, трепетное мерцание лампы, жгучий луч солнца или замирающий огонек:

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурный мотылек.

Почему же снова и снова до последних мгновений жизни и поэтического творчества Фета притягивали, не отпускали мотивы и образы, связанные с огнем? Не вызвала ли их трагическая кончина его возлюбленной, которая сгорела заживо, — жизнь свою возложила на огненный жертвенник любви?

Встает ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И жлет душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

На исходе было палящее, испепеляющее лето 1848 года. Афанасий Фет служил в кирасирском полку, расквартированном на границе Киевской и Херсонской губерний. Военное окружение, жизнь среди «скалозубов и виев» в украинской степной глуши тяготили поэта: «лезут разные гоголевские Вии на глаза, да еще нужно улыбаться».

Однообразие служебных будней скрашивало только знакомство с местными помещиками — потомками поляков и австро-венгерских сербов, поселившихся в Малороссии еще в XVIII веке — в царствование Екатерины II. Образованные дворяне знали Фета не только как офицера, но и ценили как поэта. Его приглашали на балы и любительские спектакли. Позднее он вспоминал: «Такое настойчивое приглашение не могло не быть лестно для заброшенного в дальний край одинокого бедного юноши». Одиночество Фета вскоре было нарушено.

В гостеприимном богатом доме бывшего офицера Орденского полка М. И. Петковича давали бал. Легкие светлые стайки барышень, вальсирующих с офицерами, порхали по залу. В больших зеркалах дрожали огоньки свечей, таинственно искрились и мерцали драгоценные уборы дам. И вдруг — будто вспышка молнии сверкнула: невдалеке от танцующих Фет заметил стройную девушку, которая выделялась среди других особенно яркой южнославянской красотой, высоким ростом, природной грацией. Сквозь смуглую кожу просвечивал нежный румянец, необычайно была роскошь ее черных с иссиня-сизым отливом волос. Сдержанная, строгая, она не принимала участия в шумном веселье бала, напоминала чем-то пушкинскую Татьяну:

Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.

Впоследствии, деликатно оберегая память о доверившейся ему девушке, делая неприкосновенной тайной само ее имя, Фет в своих воспоминаниях дал ей фамилию героини «Евгения Онегина» — Ларина. И придумал другое имя — Елена, m-lle Helen. «Душа моя замирала при мысли, что может возникнуть какой-нибудь неуместный разговор об особе, защищать которую я не мог, не ставя ее в ничем не заслуженный неблагоприятный свет», — вспоминал поэт. «Мадемуазель Элен» в действительности звали Марией Лазич.

При первой встрече Фет с замирающим сердцем попросил представить его незнакомке, поразившей поэтическое воображение. Отныне, как идеальной прекрасной даме для рыцаря, как Беатриче для Данте, Лауре для Петрарки, «смуглой леди» для Шекспира Марии Лазич предстояло стать единственной героиней фетовской любовной лирики. Год за годом, до глубокой старости, до самой смерти посвящал он ей сияющее созвездие своих дивных стихов.

Где ты? Ужель, ошеломленный,
Вокруг не видя ничего,
Застывший, вьюгой убитый,
Стучусь у сердца твоего?.. («Прости!..», 1888)

Мария была племянницей М. И. Петковича, дочерью отставного кавалерийского генерала сербского происхождения К. Лазича — сподвижника Суворова и Багратиона. Отставной генерал был небогат и обременен семейством. Мария — его дочь — была бесприданницей, разделявшей все хозяйственные хлопоты и воспитательные заботы отца. К моменту знакомства с Фетом ей было 24 года, ему — 28 лет. Поэт безошибочно признал в ней родственную душу. «Я ждал женщины, которая поймет меня, — и дождался ее», — писал он своему другу Ивану Петровичу Борисову, с которым вместе провел детство в Орловской губернии.

Девушка была великолепно образованной, литературно и музыкально одаренной. «Поэзия и музыка не только родственны, но нераздельны», — считал Фет. Мария Лазич вполне разделяла его убеждения. Оказалось, что она еще с ранней юности полюбила фетовские стихи, знала их все наизусть. Фет, вспоминая первые моменты общения с Лазич, писал: «Ничто не сближает так, как искусство, вообще — поэзия в широком смысле слова. Такое задушевное сближение само по себе поэзия. Люди становятся чутки и понимают то, для полного объяснения чего никаких слов недостаточно».

Однажды, сидя в гостиной у Марии, поэт перелистывал ее альбом. В то время все барышни и дамы имели подобные альбомы: записывали в них любимые стихи, помещали рисунки, просили писать и рисовать своих подруг и знакомых.

Изящное стихотворение оставил уже семидесятилетний Фет в альбоме Н. Я. Полонской — дочери своего друга-поэта Я. П. Полонского:

Стихи мои в ряду других
Прочтут ли бархатные глазки,
Но появиться рад мой стих
Там, где кругом цветы и краски.

Желать вам счастья я готов,
Но в чем придет оно, не знаю;
Ни юных роз, ни мотыльков,
Хоть им дивлюсь, не поучаю.
(«В альбом Н. Я. Полонской», 20 июня 1890)

И в девичьем альбоме Марии было все как обычно. Но вдруг одна необыкновенная страница приковала внимание Фета: он прочел прощальные слова, увидел нотные знаки и под ними подпись — Ференц Лист.

Знаменитый композитор и пианист гастролировал в России ровно за год до встречи Марии с Фетом — летом и осенью 1847 года. Побывал Лист и в Елисаветграде, где познакомился с Марией Лазич. Она не пропускала его концертов, он бывал

Продолжение на стр. 4

НОВОСТИ

ЛАУРЕАТЫ ЖУРНАЛА ПОЭЗИИ «ДЕТИ РА» ЗА 2019 ГОД ОБЪЯВЛЕНЫ

Лауреатами премии журнала поэзии «Дети Ра» за 2019 год стали:

Поэзия

- **Евгений Волков.** «Дом родной». Стихотворения, № 01–02, 2019
- **Александр Казинцев.** «Как сорок лет тому назад». Стихотворения, № 01–02, 2019
- **Лео Бутнару.** «В наши дни». Стихотворения, № 05–06, 2019
- **Юрий Казарин.** «Небо — язык». Стихотворения, № 07–08, 2019

- **Людмила Щипахина.** Святая память дней. Стихотворения, № 09–10, 2019
- **Ольга Иванова.** Цикл ст-й «ли-ри-ка». Стихотворения, № 09–10, 2019
- **Игорь Волгин.** Избранное. Стихотворения, № 11–12, 2019
- **Александр Лаврин.** Кочевье облаков. Стихотворения, № 11–12, 2019
-

Мемуары

- **Тамара Жирмунская.** Татьяна Бек. «С обязательной примесью боли...». № 11–12, 2019

Литературная критика и литературоведение

- **Эмиль Сокольский.** Мир вечный, мир живой. О поэзии Евгения Винокурова, № 03–04, 2019

Поздравляем уважаемых лауреатов! И ждем от них новых произведений.

Главный редактор журнала «Дети Ра»,
Президент Союза писателей XXI века
Евгений СТЕПАНОВ

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПОЭТЫ

«У ЛЮБВИ ЕСТЬ СЛОВА...»

(к 200-летию Афанасия Фета)

Продолжение. Начало на стр. 1

у нее в гостях, слушал игру девушки на рояле и высоко оценил ее замечательные способности к музыке. Вспыхнуло ли между ними взаимное чувство, или запись, которую Ференц Лист оставил в альбоме Марии перед отъездом, была просто знаком дружеской симпатии? Кто узнает, кто скажет? Однако нельзя было не заметить, что в словах прощания сквозила неподдельная боль предстоящей разлуки, а мелодия «необыкновенной задушевной красоты», сочиненная композитором для Марии, дышала страстью и нежностью.

Возможно, Фет ощутил укол ревности, но болезненное чувство прошло, когда он услышал музыку Листа в исполнении своей возлюбленной. «Мне отраднo было узнать, что <...> Лист умел оценить ее виртуозность и поэтическое настроение. <...> Сколько раз я просил Елену повторить для меня на рояле эту удивительную фразу!» — вспоминал поэт. Этой мелодией, встречей и прощанием Марии Лазич и Ференца Листа навеяны фетовские стихи, которые раздвигают границы поэзии и переходят в область музыки, в миры запредельные:

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью.

Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...

И только... Но песня разлуки
Несбыточной дразнит любовью,
И носятся светлые звуки
И льнут к моему изголовью.

(«Какие-то носятся звуки...», <1853>)

Главным «полем сближения», по признанию Фета, послужила для молодых людей французская писательница Жорж Санд, в романах которой были показаны «совершенно новые, небывалые отношения влюбленных»: «Изложение личных впечатлений при прочтении каждого нового ее романа приводило к взаимной проверке ощущений и к нескончаемым их объяснениям. Только после некоторого продолжительного знакомства с m-lle Hellene, как я ее называл, я узнал, что она почти с детства любила мои стихотворения. Не подлежало сомнению, что она давно поняла задушевный трепет, с каким я вступал в симпатичную ее атмосферу...»

За вечер молодые люди не успевали надышаться, наглядеться друг на друга, наговориться и засиживались вдвоем далеко за полночь: «Бывало, все разойдется по своим местам, и время уже за полночь, а мы при тусклом свете цветного фонаря продолжаем сидеть в алькове на диване. Никогда мы не проговаривались о наших взаимных чувствах».

От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной,
Третья с нами — лазурная ночь.

Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать, и хранить;
От людей утаиться возможно,
Но от звезд ничего не сокрыть.

И безмолвна, кротка, серебриста
Эта полночь за дымкой сквозной,
Видит только что вечно и чисто,
Что навеяно ею самой.

(«От огней, от толпы беспощадной...», 1889)

Мария не уставала благодарить Бога за посланную ей встречу с Фетом. И все же не понимала, отчего утонченный поэт, университетски образованный человек выбрал военную службу, которая, как догадывалась девушка, была для него столь обременительна. Возможно, она прямо спросила об этом Фета. А он, греясь у камина в ненастный вечер, поехал, точно от холода, и ответил не сразу.

В самом деле, такой вопрос мог бы задеть поэта за живое, затронуть самое важное в его судьбе и потребовать сокровенных признаний. Может быть, эти признания были сделаны, и Фет, преодолевая страдание, поведал девушке непростую, во многом загадочную, романтическую и в то же время мучительную историю своей семьи, вокруг которой гнездились столько легенд, домыслов, слухов.

Его мать — молоденькая миловидная немка Шарлотта Фёт (Foeth) — сначала проживала в Дармштаде и была замужем за чиновником городского суда Иоганном-Петером Фётом. Супруги имели годовалую дочь Каролину, но Шарлотта не чувствовала себя счастливой в браке. Муж обращался с ней грубо, предпочитал проводить время за кружкой пива с приятелями, а не у семейного очага. Ее душа томилась и ждала избавления. И вот в начале 1820 года появился он — чужестранец, обходительный богатый русский дворянин Афанасий Неофитович Шеншин. Потомок древнего прославленного рода, ведущего свою историю с XV столетия, мценский помещик и уездный предводитель дворянства, бывший офицер, участник боевых действий против Наполеона, он приехал поправить здоровье в Германию на воды. Дармштадская гостиница оказалась переполненной, и ее хозяин поместил нового постояльца в доме своего соседа — Карла Беккера, отца Шарлотты Фёт.

И пусть знатный русский дворянин был более чем двадцатью годами старше, она увидела в нем своего героя, о котором грезила еще в девических мечтах. Вспышка страсти опалила, ослепила обоих: двадцатидвухлетняя Шарлотта забыла об обязанности матери и жены и сбежала в Россию со своим новым почти пятидесятилетним возлюбленным, оставив маленькую дочь на попечение Фёту. К тому времени Шарлотта уже ждала второго ребенка, но не догадывалась, что в будущем причинит столько страданий своему еще не родившемуся сыну.

Похищая чужую жену из Германии, Афанасий Шеншин оставил ее отцу письмо с просьбой простить и благословить их союз. Карл Беккер благословения не дал. В Орловскую губернию — в неизвестный дотеле немцу городок Мценск — полетел ответ, полный упреков и угроз: тайно бежавшие из Германии любовники совершили проступок, «который запрещают законы Божеские и человеческие, а христианская религия полагает в числе величайших грехов».

В Мценском уезде в имении Шеншина Новосёлки у Шарлотты Фёт родился сын, который был крещен по православному обряду и записан в метрической книге под именем Афанасий Шеншин. Лишь спустя два года после его рождения Шарлотта приняла православие, была наречена Елизаветой Петровной и повенчана с Афанасием Неофитовичем Шеншиным. Тот был для Фета на редкость заботливым отцом. Елизавета Петровна Шеншина писала брату в Германию, что муж так относится к маленькому Афанасию, что «никто не заметит, что это не кровный его ребенок».

И вдруг разразился гром среди ясного неба. Орловское епархиальное начальство, обнаружив, что мальчик был рожден до брака А.Н. Шеншина, постановило, что «означенного Афанасия сыном господина ротмистра Шеншина признать невозможно». Так, в 14 лет подросток стал отверженным, незаконнорожденным. Будущий поэт узнал, что отныне он не полноправный русский дворянин и не может называться Шеншиным, а должен носить фамилию человека, которого никогда в жизни не видел, и именоваться Афанасием Фетом «родом из иностранцев». С потерей знатного дворянского имени были утрачены все права состояния, наследования имущества и земли. Наступила социальная и имущественная неопределенность. В университете он числился как «студент из иностранцев». Даже подпись его стала такой: «К сему руку приложил иностранец Фет». Поэту Я.П. Полонскому — своему приятелю с университетских лет — Фет с горечью говорил: «Я два раза в жизни терял свое состояние, потерял даже имя, что дороже всякого состояния».

После окончания словесного отделения философского факультета Московского университета Фет блистательно начал свое поэтическое поприще. Он имел успех в литературных кругах, однако определенного места в обществе по-прежнему не было. Дворянский титул в те годы могла ему вернуть только военная служба: права потомственного дворянства давал первый обер-офицерский чин. И Фет принял решение поступить в кирасирский полк: на офицерский чин можно было рассчитывать уже через полгода службы. В 1847 году по окончании университета поэт писал своему другу литератору Аполлону Григорьеву: «Ты звал меня часто в Петербург. Спрашивается, зачем? Затем, чтобы заниматься литературой? Не могу ни так, ни сяк — я человек без состояния и значения — мне нужно и то и другое, а на той дороге, которую я себе готовлю, будет, может быть, и то и другое. А поэзия? Да что же может мешать мне служить моему искусству, служить свободно и разумно?»

Но судьба словно насмеялась над ним. Император Николай I вскоре издал указ, согласно которому стать потомственным дворянином можно было, лишь дослужившись до старшего офицерского звания. Едва Фет приближался к заветной цели, новые царские указы повышали планку для получения дворянства. Для поэта это означало, что служить в армии и ждать ему придется еще лет 15–20.

Обо всем этом, наверное, он мог с затаенной болью говорить в тот далекий зимний вечер, сидя у огонька со своей возлюбленной.

Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга,
Валенчик свистал на огне.

И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!

Березы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что с тобою?
Я знаю давно, что со мной!

(«Шумела полночная вьюга...», <1842>)

Смутное предчувствие беды, мысль об отсутствии средств у них обоих омрачали влюбленность Фета. Его бедность доходила до такой степени, что поэт признавался: «Я очень хорошо знал, что в обществе невозможно появиться в мундире из толстого сукна. На вопрос мой, сколько будет стоить пара, портной запросил семьдесят рублей, тогда как у меня в кармане не было и семи».

Не зная, как ему поступить, и в надежде на дружеский совет Фет шлет письмо за письмом в мценское село Фатьяново другу своего детства Борису: «Я встретил девушку — прекрасного дома и образования, я не искал ее, она — меня, но судьба... И мы узнали, что были бы очень счастливы после разных житейских бурь, если бы могли жить мирно <...> но для этого надобно как-либо и где-либо... Мои средства тебе известны, она тоже ничего не имеет». С другом поэт всецело откровенен и искренен: «Я <...> встретил существо, которое люблю — и, что еще, глубоко уважаю <...> Но у ней ничего и у меня ничего — вот тема, которую я развиваю и вследствие которой я ни с места...»

Однако, как утопающий хватается за соломинку, поэт все еще надеялся, что брак можно будет устроить, если материальную поддержку окажут родные: «не могу выбросить из рук последнюю доску надежды и отдать жизнь без борьбы. Если

Окончание на стр. 5

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПОЭТЫ

«У ЛЮБВИ ЕСТЬ СЛОВА...»

(к 200-летию Афанасия Фета)

Окончание. Начало на стр. 1

я получал бы от брата <...> тысячу рублей в год, да от сестры — пятьсот, то я бы мог как-нибудь существовать». Финансовой помощи не последовало, дружеские советы также были бессильны: «Будь ты мудрейший от Соломона, — пишет Фет Борисову, — то и тогда ничего для меня не придумаешь».

Шаткие отношения раскачивались, захватывая дух, от отчаяния к надежде. То взмывали к небесам, то срывались в бездну, словно на опасных качелях.

И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.

И чем ближе в вершине лесной,
Чем страшнее стоять и держаться,
Тем отрадней взлетать над землей
И одним к небесам приближаться.

Правда, это игра, и притом
Может выйти игра роковая,
Но и жизнью играть нам вдвоем —
Это счастье, моя дорогая! («На качелях», 1890)

Пролетели почти два года со дня знакомства Марии Лазич и Фета. На него привыкли смотреть как на жениха, а предложения руки и сердца все не было. Поползли сплетни и слухи, кривотолки и недоумения. Родственники девушки пытались вынудить Фета объясниться по поводу его намерений в отношениях с Марией. Перед отправкой в военный поход поэт снова пишет в Орловскую губернию другу: «Эх, Ваня! Пойду в поход — себя не жаль, потому что черт же во мне, а жаль прекрасного создания... Ваня, плохо, голубчик! Дальше этого восклицания пойти не умею».

Отчаявшись, Фет решил «разом сжечь корабли взаимных надежд»: «Я ясно понимаю, что жениться офицеру, получающему 300 руб., без дому, на девушке без состояния значит необдуманно и недобросовестно брать на себя клятвенное обещание, которого не в состоянии выполнить»; «я собрался с духом и высказал громко свои мысли касательно того, насколько считал для себя брак невозможным и эгоистичным». Помертвевшая от этих холодных рассудочных слов Мария ничего возразить не смогла.

Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок,
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтаю золотым отдавался вполне, —
Ничего ты на все не ответила мне.

Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине, —
Ничего ты на все не ответила мне.

Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты, —
Мне и тут ничего не ответила ты.
(«Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...», <1885>)

Такая же щемящая, безнадежная боль, льдистый холодок сквозь сердце — в фетовских прощальных стихах.

Прости! Во мгле воспоминанья
Все вечер помню я один, —
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин. <...>

Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твое тепло? («Прости!», 1888)

«Я не женюсь на Лазич, — категорически заявляет Фет в письме к Борисову от 1 июля 1850 года, — и она это знает, а между тем умоляет не прерывать наших отношений, она передо мной — чище снега. Прервать — не деликатно и не прервать — не деликатно <...> Этот несчастный гордиев узел любви, который чем более распутываю, тем туже затягиваю, а разрубить мечом — не имею духа и сил... Знаешь, втянулся в службу, а другое все только томит, как кошмар».

Но даже в самых страшных снах Фет не мог предположить, что это было только преддверие кошмара. Он резал по живому, сжигал все мосты, когда решился на окончатель-

ный разрыв с Марией. Встречи прекратились. Ее мольбы в письмах оставались без ответа.

Наступила весна 1850 года. Вновь расцветала и пробуждалась к жизни природа. Как писал Тургенев, впоследствии — сосед по имению и близкий друг Фета: «Опять повеяло с неба сияющим счастьем весны; опять улыбнулась она земле и людям; опять под ее лаской все зацвело, полюбило и запело».

Но Мария Лазич, покинутая любимым, ощущала себя словно в ледяной пустыне. Где искать человеческого тепла и участия? Как согреться в пронизывающем душу мертвящем холоде? Может быть, долго, не отрываясь, смотрела она, как теплится огонек лампы. Трепетные бабочки слетались на пламя и, опалив живой бархат крыльев, обгоревшие, падали замертво вниз...

А что, если бы и ей разом прекратить все страдания?.. Открытый огонь перекинулся на белое кисейное платье Марии, языки пламени побежали вверх к ее распущенным смольным волосам. Охваченная пламенем, она выбежала из комнаты в сад и под струей свежего воздуха мгновенно превратилась в пылающий живой факел. Сгорая, она кричала: «Au nom du ciel sauvez les lettres!» («Во имя Неба спасите письма!»). Еще четверо суток длились ее мучения, но всякая медицинская помощь была напрасной. «Можно ли на кресте страдать более, чем я?» — шелестели ее обгоревшие губы. И перед самой смертью Мария успела прошептать последние слова, во многом загадочные, но в них она послала прощание любимому человеку: «Он не виноват, — а я...».

Фет, потрясенный этим трагическим известием, не простил себя до конца своих дней: «Я виноват; я не взял в расчет женской природы и полагал, что сердце женщины, так ясно понимающей неумолимые условия жизни, способно покориться обстоятельствам. Не думаю, чтобы самая томительная скорбь в настоящем давала нам право идти к неизбежному горю всей остальной жизни».

Страницы милые опять персты раскрыли;
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
Засохших, одному мне ведомых цветов.
<...>

Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них все прошлое — один жестокий бред,
Без них — один укор, без них — одно терзанье,
И нет прощенья, и примиренья нет!
(«Страницы милые опять персты раскрыли», 1884)

С опочившей я глаз был не в силах отвести —
Всю погасшую тайну хотел я прочесть.
И лица твоего мне простили ль черты? —
Ничего, ничего не ответила ты!
(«Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...», <1885>)

Фет стал прославленным поэтом. Планируя дальнейшую жизнь: «Итак, мой идеальный мир разрушен давно. Что ж прикажете делать. Служить вечным адъютантом — хуже самого худа — ищущую хозяйку, с которой буду жить, не понимая друг друга», — он вышел в отставку, так и не дослужившись до желанного дворянства, и женился на богатой купеческой дочери с большим приданым — Марии Петровне Боткиной. Она была не очень молодой и не очень красивой, также пережила в юности тяжелый роман.

Устроилась материальная сторона жизни: «Тогда я был бедняком-офицером, полковым адъютантом, а теперь, слава Богу, орловский, курский и воронежский помещик, коннозаводчик и живу в прекрасном имении с великолепной усадьбой и парком. Все это приобрел усиленным трудом, а не мошенничеством, и на этот счет я покоен». В Мценском уезде Орловской губернии Фет был избран мировым судьей и десять лет старался по-христиански вершить чужие судьбы, будучи убежденным, что «Христианство является, бесспорно, высшим выражением человеческой нравственности и основано на трех главных деятелях: вере, надежде и любви. Первыми двумя оно обладает наравне с прочими религиями. Нет религии без веры и надежды; зато любовь — исключительный дар христианства, и только ею Галилеянин победил весь мир».

Наконец, в 1873 году Фет получил долгожданное дворянство, право носить фамилию Шеншин, все сословные привилегии. Государь позволил ему принять «фамилию ротмистра Афанасия Неофитовича Шеншина и вступить во все права и преимущества его по роду и наследию».

Но в поэзии он остался Фетом. В сердце прожившего жизнь поэта, не угасая более четырех десятилетий, жарко пылал огонь его юношеской любви. Образ любимой девушки

продолжал жить в сердце и памяти, воскресал перед глазами точно въявь:

Вчера я шел по зале освещенной,
Где так давно встречались мы с тобой.
Ты здесь опять! Безмолвный и смущенный,
Невольно я поникнул головой.

И в темноте тревожного сознания
Былые дни я различал едва,
Когда шептал безумные желанья
И говорил безумные слова.

Знакомыми напевами томимый,
Стою. В глазах движенье и цветы —
И кажется, летя под звук любимый,
Ты прошептала кротко: «Что же ты?»

И звуки те ж, и те ж благоуханья,
И чувствую — пылает голова,
И я шепчу безумные желанья
И лепечу безумные слова.
(«Вчера я шел по зале освещенной...», <1858>)

И в преклонном возрасте Фет продолжал создавать шедевры любовной лирики потрясающей глубины и силы чувства. Я. П. Полонский писал 25 октября 1890 года семидесятилетнему поэту: «Что ты за существо — не постигаю, ну, скажи ради Бога и всех ангелов Его <...> откуда у тебя берутся такие елейно-чистые, такие возвышенно-идеальные, такие юношески-благоговейные стихотворения, как "Упреком, жалостью внушенным..." Я по своей натуре более идеалист и даже фантазер, чем ты, но разве я или мое нутро может создать такой гимн неземной красоте, да еще в старости!..».

Такие же «юношески-благоговейные стихотворения» рождались у Фета в последний год его жизни: «стихи, написанные им в 1892 году, в благоуханности и свежести не уступают прежним: фетовский гений сохранил свой первозданный блеск до последнего вздоха», — так современник поэта Б. А. Садовский выразил всеобщее изумление поздней лирики Фета.

Точно в нежном дыханье травы и цветов
С ароматом знакомым доносится зов,
И как будто вот-вот кто-то милый опять
О восторге свиданья готов прошептать.
(«Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...», 12 июня 1892)

Незадолго до смерти — выхода в последние двери — в преддверии Божьего суда, Афанасий Фет писал, обращаясь к Марии Лазич — своему «второму я»:

У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя различить! («Alter ego»)

К жизни, любви и творчеству поэта нельзя подходить с бытательскими земными мерками. Примем во внимание лесковское размышление о «высокой правде» Божьего суда: «совершится над всяким усопшим суд нелицеприятный и праведный, по такой высокой правде, о которой мы при здешнем разуме понятия не имеем».

А мы, сегодняшние читатели, воздадим Афанасию Афанасиевичу Фету нашу благодарную память за воспетую в его поэзии песнь вечной любви и нетленной красоты.

Я знаю, иногда в апреле
Зима нежданно набегит,
И дуновение метели
Колочим снегом закружит.

Но миг один — и солнцем вешним
Согреет юные поля,
И счастьем светлым и нездешним
Дохнет воскресшая земля.
(«Когда смущенный умолкаю...», 26 марта 1892)

Алла Анатольевна НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор,
член Союза писателей России

НИКТО НЕ ЗАБЫТ. НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Освободительная война Советского Союза против нацистской Германии была войной общенародной. Ее герой — весь советский народ, сплотившийся в те страшные дни: одни стояли грудью на передовой, другие ковали победу в тылу, третьи представляли собой резерв действующей армии. Главной действующей силой, благодаря которой стала возможна победа, это, конечно, действующие части РККА. Преодолев в пламенном боевом порыве пол-Европы, советские воины полностью разбили врага. Фашистская Германия, потерпев сокрушительный разгром на советско-германском фронте, вынуждена была безоговорочно капитулировать.

Настоящий историко-документальный сборник посвящен 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и жертвенному подвигу воинов Красной Армии, освобождавших страны Европы и Азии от фашизма и милитаризма.

Значительный вклад в историю победы внесли и воины-ополченцы, участвуя в сражениях плечом к плечу с бойцами и командирами регулярных частей Красной Армии. Привлечение ополчения к обороне страны — это всегда мера крайняя, означающая катастрофическую нехватку воинского состава. В 1941 году на подступах к Москве сложилась ужасающая ситуация: согласно подсчетам историков, немецких танков около нашей столицы было почти в 31 раз больше, чем советских! В этих условиях 4 июля 1941 года ГКО принял постановление № 10 «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизию народного ополчения». Началась ускоренная подготовка кадрового резерва, который можно было задействовать на строительстве оборонительных сооружений и перебросить на фронт, если положение станет кризисным. В итоге, осенью 1941 года кое-как вооруженная пехота приняла на себя центральный удар танковых соединений и моторизованных частей вермахта.

В книге подробно рассказывается, как формировалось Народное ополчение. Эти люди заложили фундамент для победы в битве за Москву, позволили регулярным воинским частям произвести передислокацию и отразить вражеское наступление. По плану фашистов, их армия должна была к осени занять столицу и пересидеть зиму в осажденном городе. Как ни страшно это признавать, у них почти получилось: противотанковые «ежи» и сейчас стоят в районе подмосковных Химок. И, возможно, получилось бы, если бы не почти 140 тысяч граждан, не подлежавших призыву на срочную службу. Именно они — студенты, военнослужашие запаса, работники государственных учреждений и предприятий, имевшие бронь как ценные специалисты — выразили готовность защищать Родину. Из этого числа добровольцев органы военного управления в течение нескольких дней сформировали 12 народных дивизию.

Петренко А. И., Фомин Н. Г.
«Сотрудники Народного комиссариата иностранных дел на фронтах Великой Отечественной войны»
(Хроника. Факты. Люди).

М.: «Вест-Консалтинг», 2020

зий. В основном, в книге речь идет о боевом пути 6-й дивизии, в которой воевали сотрудники Народного комиссариата иностранных дел. Позже, после освобождения Ельни, она была включена в кадровый состав Красной Армии, получив войсковой номер: 160-я стрелковая дивизия.

Как складывалась жизнь сотрудников НКВД в боевых условиях? Первое время у них не было даже винтовок. Между тем, уже в середине июля 1941 года командование перебрасывает Московское ополчение практически на передовую, обещая оперативно вооружить и обеспечить всем необходимым. А дальше были бои за Ельню, Дорогобуж, Вяземский котел... Хроника боевых операций подкрепляется архивными фотографиями, документами, письмами, воспоминаниями участников тех страшных событий. Процитирую, например, отрывок из воспоминаний Б. В. Зылёва о выходе из окружения под командованием генерал-майора М. И. Козлова: «И мы все как один бросились через поле. Мы пережили страшные минуты. С левого и правого флангов застрочили гитлеровские пулеметы. То там, то здесь падали люди. Для того, чтобы

лучше видеть, фашисты зажгли с правого фланга деревья, облив их, очевидно, бензином. Они пылали, как большие факелы. С левого фланга на расстоянии километра от нашей группы противник поджег дома в каком-то селении. Вдоль речки засело с десяток вражеских автоматчиков. Но их огонь не мог помешать нашему стремительному движению».

А главное, что сделали авторы сборника, — систематизировали данные о сотрудниках НКВД, числящихся в списках РККА в 1941 году. Мемориальный список занимает значительную часть издания. Серьезная поисковая работа, проделанная авторами, позволяет оставить еще одно подробное свидетельство о подвиге старшего поколения: великая Победа стала возможна только благодаря коллективным усилиям. Аннотация оповещает нас: «Вошедшие в книгу "Страницы памяти" содержат данные о сотрудниках Народного комиссариата, ушедших на фронт. Читатель найдет в этих данных некоторые разночтения. Прояснить судьбу каждого нкидовца-фронтовика до сих пор не представляется возможным. Вместе с тем авторами было принято решение — невзирая на упомянутые разночтения — перечислить все имеющиеся на сегодня данные на сотрудников Народного комиссариата иностранных дел, выступивших в час суровых испытаний в едином строю со своим народом. В этом — дань нашего глубокого уважения к их памяти».

Книгу завершает статья «О монументах и памятных знаках, увековечивающих подвиг красноармейцев 6-й дивизии и других формирований народного ополчения 1941 года». Великая Отечественная война показала, что дух русского народа не сломить. Но этого мало. В преддверии юбилея Великой Победы важно осознавать, что историческая память нашего народа нуждается в серьезной защите. Следует и дальше говорить о беспримерном подвиге наших предков, проводить систематическую работу с прошлым. И такая работа ведется: «14 сентября 2016 года по решению депутатов Мосгордумы и Правительства Москвы в Екатерининском парке Москвы состоялась открытие закладного камня на месте, где в будущем установят памятник ветеранам 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района Москвы». Адресованная широкому кругу читателей данная книга направлена на сохранение и поддержание межпоколенческих связей. Мне кажется уместным процитировать сейчас величественные строки Р. Рождественского:

Вспомним всех поименно,
 Горем вспомним своим...
 Это нужно — не мертвым!
 Это надо — живым!

Ольга ЕФИМОВА

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Страх. Тревога. Осторожность. Созданный в первые дни войны плакат «Не болтай!» — строгая женщина в красной косынке прижимает палец к губам — стал символом эпохи. Враги были повсюду. Если ты не донесешь на соседа — он «настучит» на тебя. В тоталитарном государстве повсюду распространяется доносительство и круговая порука. В такой обстановке наилучшим способом продемонстрировать лояльность режиму становится сотрудничество с «компетентными органами». Неотъемлемыми качествами характера, обеспечивающими выживание индивида, становятся подозрительность и угодничество. Обложка романа красноречива и лаконична: на черном фоне кукловод дергает за веревочки: лица его видно, пальцы показаны крупным планом, а буквы заглавия прыгают, как марионетки.

«Шпиономания» Павла Сиркеса — книга-отражение того тревожного времени. Автобиографическое повествование в уникальной, предельно конкретной форме раскрывает существенные для эпохи явления. В доверительном разговоре собеседник автора излагает такой случай: «И еще хочу рассказать тебе историю, которую узнал от начальника Карлага. В сорок пятом или в сорок шестом году в Жданове грузили на судно пшеницу. Мимо шли две школьницы. "Самим есть нечего, а хлебушек куда-то отправляем!" — сказала одна другой. Недоброе ухо оказалось рядом. И дали девчонкам по червонцу. Были девчонки семнадцатилетними, чистыми, недавно освободились прожженными, все попидавшими зэчками. Закончил начальник лагеря так: "Не лучше ли было задрать им повыше подолы и дать по одному месту — не болтайте лишнего"».

Страшно? Да. На этом фоне другой эпизод, когда празднование новоселья с пением еврейских песен обернулось для автора «воспитательной беседой» с органами госбезопасности. Тогда повезло — обошлось. Однако эта история служит не менее яркой иллюстрацией к одному из признаков тоталитарного режима: повсеместное насилие, вызывающее у граждан страх и неуверенность в завтрашнем дне. По прошествии ряда лет, кстати, оказалось, что и в дружеской компании следует держать ухо востро: всех участников злополучной вечеринки вызывали «куда следует» поговорить тет-а-тет...

Для мемуарного жанра главное — сохранение атмосферы минувшего пространства и времени. А было оно, согласитесь,

Павел Сиркес
«Шпиономания»
Роман-воспоминание

«Za-Za Publishing», Дюссельдорф, 2018

жестоким. В начале книги Павел Сиркес описывает события первых дней Великой Отечественной войны, вынужденное переселение в Караганду, проводы отца на фронт: «В памяти этот вечер 31 декабря 1941 года. Большая наша семья окружила отца при тусклом свете коптилки. Он для каждого находил нужные слова, которые ободряли и утешали». Понятное дело, запоминаются наиболее яркие, эмоционально насыщенные события. И поскольку не весь жизненный материал сохраняется в памяти, так контрастны эти горькие проводы с каждодневной, рутинной борьбой за выживание в чужом городе, практически без средств к существованию: «Начисто забыл, как обустроивались в солдатской кибитке, где довелось прожить почти до конца сорок четвертого. Откуда взялись детская люлька, узкие солдатские койки, топчаны, табуретки, стол, прочая утварь». Многие забываются, остаются лишь «узловые момен-

ты», которые знаменуют собой вехи жизненного пути: окончание детства, первый трудовой заработок, изменение привычного семейного уклада, которому никогда не стать прежним.

И не тогда ли зарождается подозрительность к согражданам, когда твой отец воюет на фронте, а ты наблюдаешь, как деловито закупают продукты на местном рынке молодые, здоровые мужчины? Кто они?

Одно ясно: у кого с совестью нет проблем, того и память не подводит. Оттого поворотные события, когда четко требуется сказать «да» или «нет», автор описывает подробно, не стыдясь: и насколько противна честному человеку роль сексота, и с каким трудом удалось избавиться от «их» навязчивого внимания... В общем, «шпионы там, шпионы здесь». Нечему удивляться: если, будучи ребенком, ты то и дело слышал от старших «Болтать — врагу помогать!», став взрослым, с точки зрения тогдашней государственной идеологии, ты просто обязан следить за соседом: а не заслан ли он к нам?

Часть романа посвящена настоящим шпионам, то есть профессиональным разведчикам — семье Зарубиных. Узнав их подноготную, можно сказать: да все ваши потуги, рядовые граждане, просто детские игрушки! Павел Сиркес показывает «вершину карьеры» зараженного шпиономанией советского человека — десятки имен, явки, пароли, вербовка за границей русских эмигрантов, сочувствующих советской власти, причастность к убийству Якова Блюмкина и расстрелу польских офицеров в Катыни... Да и выяснились эти подробности только сейчас, по истечении срока давности...

Кстати, новую власть Павел Сиркес тоже не восхваляет. Тем печальнее звучит послесловие, в котором автор описывает период правления Б. Н. Ельцина. Маятник качнулся: тогда, при Советах, нельзя было ничего, потом вроде бы стало можно все, но «свобода» так размыла нравственные ориентиры и так «отпустила цены», что уже непонятно, против кого ведется внутренняя война... Не против своих ли?.. В романе-воспоминании Павла Сиркеса сочетаются ретроспективность, сюжетная документальность, эмоциональность, символичность, предстают разные вехи отечественной истории, но единым остается одно — четко изложенная правда, безусловная и строгая честность перед читателями.

Вера КИУЛИНА

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Это избранное составила автор — Тамара Жирмунская. Она придерживалась хронологии, отдав предпочтение тем стихам из своих поэтических сборников, которые точнее всего отражают суть ее творчества. Каждое отдельное лирическое произведение вступает в диалог с другими наиболее значимыми лирическими произведениями. Вехи жизненного пути, отграниченные заглавиями изданных книг, складываются в полномасштабную биографию. Название же «Никто не прав, никто не виноват» восходит к библейскому поучению: «Не судите, да не судимы будете...» (Матф.7,1).

Поэт знает о том, что в мире все относительно, и не стоит кичиться своими достижениями, которые последующими поколениями могут восприниматься совершенно по-иному. Здесь очевидна перекличка с Борисом Пастернаком:

Но сила творчества не в том,
чтоб слыть нарядным пустяком
и быть ничем на самом деле.

Жизнь все равно расставит все по своим местам: если произведение талантливо, его будут читать и спустя десятилетия. Но сколько труда уйдет на создание такого произведения — вполне конкретных затрат сил и времени, чтобы созданное не было по сути безделицей, милым пустячком! Потому процесс создания стихотворения автор сравнивает с кропотливой работой закройщицы, с насущным и таким «земным» швейным делом:

Кроить от целого куска —
как это трудно, как близка
к как я далека от цели.

Читателю не нужно специально настраиваться, преодолевать напряжение, как это часто бывает, когда знакомишься с поэзией. Тамара Жирмунская академична, скупо расходует художественные средства, оттого ее проникновение в суть вещей выглядит естественным, обусловленным ходом поэтической мысли. От прочитанного всегда случается радость узнавания. За давностью лет потускневшее прошлое восстает в памяти, заявляя: нет-нет, рано меня хоронить! Да и как забудешь детство, выпавшее на годы войны?.. Как выбросишь из головы эвакуационный эшелон и маленькую девочку-лениградку, блокадного ребенка из стихотворения «Кукла»:

Помню девочку — пальцы опухли,
Вся прозрачная, точно слюда, —
Потянулась к моргающей кукле
И взяла у меня навсегда.

Тамара Жирмунская

«Никто не прав, никто не виноват»

М.: «Вест-Консалтинг», 2020

Преодолевая неотвратимость истории, Тамара Жирмунская запечатлевает ушедшее время. Старшее поколение вздохнет — вот оно, пережитое в детстве и юности! А до молодежи сейчас, мне кажется, и не достучаться, не донести правду о военном времени иначе, нежели так — рассказав свою историю, обратившись через стихи, а не через сухие сведения, факты и данные. Цифры — всегда для статистики, истории судеб — для тех, кто не научился слушать и сопереживать.

Поэтесса Алла Коркина так отзывается о своей подруге: «Тамара всегда была для меня неким идеалом надежности, устойчивости, мудрости. Она восхищала меня умением терпеливо тянуть ляжку жизни». Упорно — и всю жизнь! — заниматься своим делом, со смирением преодолевать тяготы, выпавшие на ее долю. Такой человек имеет право заповедовать читателю «нести крест свой»:

Неси! Хотя тропа крута,
она ведет к вершине горней.
И помни, что размах креста
тем больше, чем душа просторней.

Какой благолепный эпитет — «просторней»! Душа, не стесненная обидами, не обремененная мелочными при-

дирками, способна вместить в себя не только эмоции отдельно взятого собственного «я», но и отозваться на переживания ближнего: утешить, успокоить, поддержать, наконец, помочь материально, невзирая на собственные проблемы. Душа верующая, стремящаяся помочь другим не по принципу «ты — мне, я — тебе», но по милосердию своему не ждущая ответных благодарений. Нравственный идеал Тамары Жирмунской — человек, отвергнувший в себе гордыню, жизнестойкий, способный вдохновлять и поддерживать окружающих, находясь даже в стесненных жизненных обстоятельствах.

Есть ли такие в наши дни?.. Завершает книгу поэма «Мать Мария», посвященная подвижнице, участнице французского Сопротивления, монахине Марии (Елизавете Юрьевне Скобцовой, по первому мужу — Кузьминой-Караваевой). Она была поэтом, философом, художником, но, приняв монашеский постриг, все силы своей огромной души направила на служение обездоленным и несчастным. «В личности монахини Марии были черты, которые так пленяют в русских святых женщинах, обращенных к миру, — жажда облегчить страдания, жертвенность, бесстрашие», — говорил о ней философ и соратник, Николай Бердяев. А Тамара Жирмунская так передает момент духовного перерождения будущей преподобномученицы:

Но бедные — все! Все —
еще не возросшие дети.
И всех мне любить, и отныне
за всех быть в ответе.

31 марта 1945 года мать Мария добровольно пошла в газовую камеру концлагеря Равенсбрюк, обменявшись с другой женщиной куртками с лагерными номерами...

Мера поэзии определяется так: где нет лукавства пишущего, там преобразуется читающий.

Тамара Жирмунская в своих простых и мудрых стихах утверждает, что перед Богом нет правых и виноватых, поскольку данная каждому душа делает нас в одинаковой степени ответственными перед Ним:

Мы все, как говорится в Книге,
и соль земли, и кровь, и гной,
мы все — бесчисленные миги
в потоке истины одной.

Ольга ЕФИМОВА

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

ВЫСОКИЕ НОТЫ НАТАЛИИ ЛИХТЕНФЕЛЬД

Дом, дом...
Тема дома разнообразна, но одна из составляющих ее — это укрытие, возможность избежать беды, отойти от неприятностей, восстановиться...

Кружево стиха Лихтенфельд сплетено прочно: не возражишь:

Опосля обеда
Рысью удалой
На Покров уеду
Я к себе домой.
Пусть не пахнет сеном —
Сонным этажом.
Дома греют стены,
Дома хорошо.

И — простое, теплое, свечение, исходящее от стихотворения, завершается афоризмом, резко врезающимся в память:

Так в краю истерик,
Грусти, мятежа
Обретает берег
Русская душа.

Много всего написано про русскую душу, ее специфику, ее широту; а тут — обретение берега как высшая форма счастья: что логично, в общем, в период бесконечного раздражения и всеобщего раздрая.

Стихи призваны уменьшать зло, неся гармонию в мир, гармонии не подразумевающий.

Если получится.

Стихи Н. Лихтенфельд разнообразны — и по ритмическому рисунку, и по чередованию бытовых деталей — увы, часто и организующих жизнь — и возвышенных мотивов; стихи порою сбиваются на захлебывающиеся скороговорки, а порою взмывают к вершинам, где парить способны только души...

Кто увидит души стихов?

За словами Н. Лихтенфельд они чувствуются всегда, и в этом их сила.

Александр БАЛТИН

РЕКЛАМА

• литературный портал и магазин современной литературы и периодики •

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

книги /// газеты /// журналы /// интернет-издания /// блоги

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

ВЕСТЬ НИНЫ КРАСНОВОЙ

О, великое право фольклора!
Сила его, космос простоты, величие сложности!

Нина Краснова интересно использует фольклор, прокладывая тропы своих стихов, и использование это приводит к результатам, мерцающим многими смыслами и звуковыми оттенками (сколь многосегментат всякий звук хорошо известно поэтам):

Шла я по жизни, шла,
К развилке дорог пришла.

Одна дорога — направо.
Другая дорога — налево.
А третьей дороги нет,
А прямо — дороги нет.

Разумеется, дальше вступит в игру современность, внесет свои поправки, нагрузит сознание амбивалентностью, когда не расчетверенностью каждого явления, и пресловутые «направо пойдешь — то-то найдешь» будут звучать совершенно иначе.

Поэтические поля Н. Красновой разнообразны. И различные цветы произрастают на них, порою причудливо смешиваясь, ирония и эротика точно меняются именами, при этом отправляясь во временные странствия по сферам различных культур, дабы получился современный результат.

Ибо словарь Красновой адекватен времени, и игры ее с языковыми пластами всегда отмечены шкалою века.

Потом вновь развернутся простонародные заправки, зазвучит рязанско-мещерский словарь, и открытость, множась на лиризм, туго натянет на себя поэтическое полотнище:

Завтра я уеду от тебя,
Завтра я уеду от тебя,
Море мое, моречко,
Горе мое, горечко.

Я к себе уеду во Рязань,
Я к себе уеду во Рязань —
Далече-далеченьки.
До встречи, до встреченьки!

Четкая узнаваемость поэтической речи характерна для Н. Красновой; будь то лирика или частушки. Даже они отмечены градусом индивидуальности. Поэзии Н. Красновой присуща своеобразная простота: подлинности и открытости, та простота, с которой живет народ, думает и растит детей, та простота, которая позволяет хлебу быть вкусным, и даже усложненные (порой) языковые игры связаны с темой глубины этой великолепной, из недр народа идущей простоты.

Александр БАЛТИН

СЛОВЕСНЫЕ ЛЕНТЫ ЛЮДМИЛЫ КОЛОДЯЖНОЙ

Округлая полноценность звука, определяющая стихи; ощущение богатого дыхания: легкости и одновременно вещности говоримого — букеты ассоциаций, возникающие при чтении стихов Л. Колодяжной:

Как утешить тебя? Тишиной
слог сбивается, словно ладонью,
когда медленной зимней вороньей
тенью полночь шуршит надо мной.

Тишина как бездна, рождающая стихи; стихи как определенная норма дыхания, как световые сгустки, дисциплинирующие мозг...

Стих Колодяжной часто вьется, словно забыв преграды: точка не требуется, только запятая; стих словно наматывает на себя многое, чтобы стать емче, объемнее, полнозвучней:

Чтоб ее отогнать, сотворю,
на полях начерчу, нарисую
кипарисовый крест, хоть рискую
позабить то, о чем говорю —

крест, что вдруг обжигает ладонь,
если тихо к нему прикоснуться
в те часы, когда легче — проснуться,
чем почувствовать этот огонь,

вспомнив крест у тебя на груди —
птицу спящую символом веры...

Многое может обжигать память, не позволяя ей погружаться в сонные пространства; из многого состоит жизнь. Эта жизнь становится стихами.

Глобальность захватывает: реальность истории и настоящего может быть рассмотрена как всеобщность, всеединство жизни — с тяжелыми прослойками внутри:

Нет, голгофа-земля перед нами
не горит, леденеет, оснежена,
но дороги пали крестами,
на дорогах — сыны повержены...

Голос Л. Колодяжной никогда не срывается: он ровно насыщен — и так выкован для передачи столь ярких чувств, окрашенных в тона мысли, что читатель вынужден расти, обращаясь к стихам поэта.

Александр БАЛТИН

АЛХИМИЯ ПОЭЗИИ СВЕТЛАНЫ ДИОН

Точные и, вместе с тем, — только свои — определения важнейших понятий, данные кратко, в пределах небольшого стихотворения, лепестками раскрывающегося космосу:

Родина моей души — Царствие Небесное.
Отчизна моя — Жизнь.
Детство — родной берег.
Искусство — Отечество Души.
Но край родимый — русский язык.
А посему я есть гражданин Вселенной.

Край родимый — русский язык — благосклонен к С. Дион, диктующей ей ленты памяти и листья слов...
Они облетают: но памяти это не грозит:

Листья опавшие желтые
с позолотой осенней,
застывшие в луже
на дороге проселочной,
и еще... в памяти его...
Охает мать — шагает упрямо малыш
в лужу по листьям,
листья тонут, вода в ботинках...

Много грусти, много осенних тонов, словно возраст —
потеря определенных звеньев...

Верлибры Дион держатся на силе дыхания и благородстве словесного рисунка, на тонких, золотящихся нитях ассоциаций и драгоценных каплях вечности, пролитых в составы строк.

Странная алхимия разворачивающихся постепенно жизни верлибров.

Тонкое плетение кружев — что окажутся прочнее металла.

Золотая улыбка Осени...
Черно-белое ледяное Зимы дыханье.
Оранжевые проседи ивы торопливо в косы вплетают...

Разноцветная тишина Весны...
Многоголосит лес яркими лоскутами,
Цветные воспоминанья теснят подсознание,
Нарушая порядок и череду, рассыпаются, словно бусы...
Белизна смиренья Зимы...

Явлениям сообщаются человеческие качества: и смирение зимы ощущаешь сквозь сияющую белизну.
Красивое добавление к миру — стихотворения С. Дион.

Александр БАЛТИН

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

РАДУГА ЮРИЯ БЕЛИКОВА

Языкова гушь Юрия Беликова мерцает тысячами ассоциативных огней, обещая увлекательное путешествие:

После смерти моей вы меня на Алтае отыщете...
Я в оранжевой юбке мелькну, как шотландец, на склоне,
и вослед мне залают вздремнувшие тысячелистники,
и метнутся за мной, и у Шамбалы самой догонят...

Он зажигает фонари внутри каждой строки, и редко когда этот фонарь не расцвечен цветами радуги:

«Это Арев из Бийска». И — взвизгнет внезапная пауза.
И сиреневый Рерих возникнет из красного леса.

Цветовое торжество, богатство палитры, избыточность жизни, перетекающая в избыточность стихов.

Нечто от византийских тканей чудесно мерцает в великолепно раскинутых тканях беликовских стихов.

Закипит сирень — но сирень увидеть в качестве преследователя?

На это отважится только поэт:

От дискобара до сарая,
где тянет свеситься скорей,
сирень лохматая, сырая
меня преследует, сирень.

Вероятно, имеется особая метафизика оптики, как метафизика звучащих гирлянд стихов, когда осмысление мира дается именно через пласты, ломти реальности, распадающейся на доли предметов, явлений, смыслов.

Вероятно, выливая в пространство, выплескивая во время такую густоту стихов, Ю. Беликов предлагает то восприятие яви, к которому пришел сам: разделить его, вместе порадоваться, взмывая в космические выси поэзии, и... — пусть даже падая в овраги отчаяния, хотя последнего в его стихах почти и нет.

Есть трагические стихи, точно прошитые болью, опоясанные лентами мучительного несовпадения действительности с торжеством поэзии, но это — редкость.

...и плещет, играя и всерьез, великолепная радуга Ю. Беликова, призывает к счастью, к упоению бытием..

Александр БАЛТИН

МИР И МИФ
ПОЭТА ЮРИЯ МИЛОВА

Из разных материалов кроются стихи: из отблесков колоды Таро и бумаги фантазий, папоротника иллюзий и золотистого бархата надежд..

По-разному вырисовываются словесные узоры, и тонкость здесь — одно из определяющих качеств; особенно, если все держится на нитях полутонов, оттенков, нюансов:

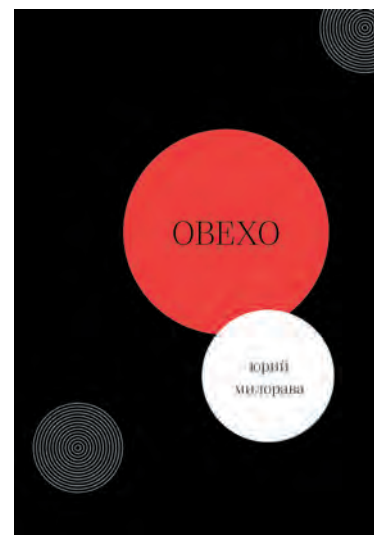
Но
без мимики что измято — поверхность
ни к чему искать морщины и намеки
выбрось надежду в виде карты таро

предпочти в волне моря «из желе» горсть
она — провидица: — отвратительней
античных гермафродитов у Феллини!..

У Юрия Милорава интересно мешаются культурные пласты: нечто прорывается через другое, проглядывает, возникает театр теней, чтобы разрушиться вновь..

Не угадаешь, куда повернут векторы оттенков, как биссектриса ощущения разрежет угол реальности.

Кропотливая пряжа стиха блеснет на солнце действительности то изумрудной стрелкой, то рубиновой змейкой: цветом богато насыщены верлибры поэта.

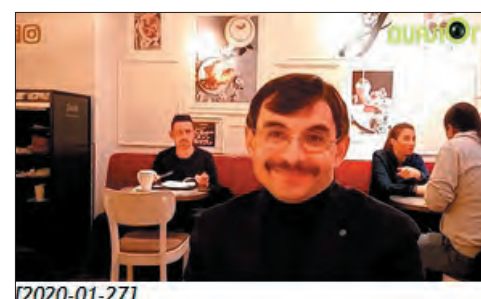
Жемчужина свободы
давно уже лежит на окраинной дороге.

Александр БАЛТИН

РЕКЛАМА

«Диалог» — это ваш телеканал!

Телекомпания «Диалог» создает фильмы о тех людях и фирмах,
которые добились значимых результатов в жизни

Тел.: +7 (495) 971 79 25
факс: +7 (499) 152 28 04

адрес электронной почты:
stepanov@mail.ru

ПОЭЗИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ
О ХИТРЫХ ТАЙНАХ МИРОЗДАНИЯ

Евгений Степанов — поэт, кандидат филологических наук, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Президент Союза писателей XXI века, основатель и генеральный директор холдинга «Вест-Консалтинг». Автор книг стихов, прозы, многих публикаций в периодике. Живет в Москве.

2020

Лукавый говорит: «Похерьте
Мечты!» И щурится хитро.
И перевозят воздух смерти
Вагоны шустрого метро.

Харон опять надел корону
И — беспощадный — правит бал.
И представляется Харону,
Что он весь мир завоевал.

Пугая силищей безбрежной,
Харон сгустить умеет тьму.
Но все-таки вовек с надеждой
Не разлучить меня ему.

Как прежде, набухают почки,
Поют, как прежде, соловьи.
И нет желанья ставить точки
Над i.

2020

ДИАЛОГ

*«А потом простят,
А потом помилуют...»*

Александр Аронов

— Не ходи по краю,
Дома посиди!
Я примерно знаю,
Что там впереди.

Так закрутят гайки,
Что охватит дрожь.
И поставят лайки,
Ежели умрешь.

Стукачок поплачет,
Палачи всплакнут.
Видимо, иначе
Не бывает тут.

Жить невыпендренно —
Мой таков наказ.
— А дышать-то можно?
— Вот противогаз.

2019

ПОГОДА

Бежит по экрану погодный субтитр.
Хорошего он ничего не сулит.
Погода становится хуже
Во власти норд-остовской стужи.

Но стужа не вечна, хоть зла да темна.
Я должен еще дотянуть до тепла,
До нежной скворчиной теплыни,
Которая сгинула ныне.

2019, 2020

СОСЕД ПО ДАЧЕ

Жил неброский человек,
По весне сажал картошку,
Убирал зимою снег,
Скромную носил одежду.

А еще неспешно в стол
Он писал отрывки прозы.
И смотрел, как дышат ствол
Лиственницы, кустик розы.

Не искря, как фейерверк,
Но светло и трудновато
Жил неброский человек,
Жил когда-то.

2020

ТАК

Какая-то подведена черта,
я нынче старше Бродского и Блока,
а до сих пор не понял ни черта
и не освоил нужного урока,

как надо жить — спокойно, не спеша,
не брать до бесконечности преграды.
Я выпускник советской ВКШ,
мне трудно поменять и жизнь, и взгляды.

Так и живу. Зарядка в шесть утра,
а после офис, вечная работа.
Пора признаться и сказать пора:
работа — жесьть и любит идиота.

2020

МЕЖ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНОЙ

*«Когда мужчине сорок лет...»
Евгений Евтушенко*

Когда тебе под шестьдесят —
Не рад тому, чему был рад
Давным-давно — смеясь — когда-то.
И знаешь: те, кто шестерят, —
И проклянут тебя сто крат.
Лесь — если что — войной чревата.

Когда тебе под шестьдесят,
То лучший собеседник — сад.
А лучшая подруга — баня.
Полок из пор выводит яд,
А листья вишен шелестят
О хитрых тайнах мироздания.

Когда тебе под шестьдесят —
Не радостно смотреть назад,
Смотреть вперед еще печальней.
Теперь в себя направлен взгляд.
А место нынче — аккурат
Меж молотом и наковальной...

2020

ЧАСЫ

Я знаю: я не смог. Простите человека!
Не снег сбивает с ног — исчезновение снега.

А время прет, как танк, мои седеют патлы.
Все так — тик-так, тик-так стучат часы, как дятлы.

Я не Мафусаил, ну что же здесь такого?!
Родился — и забыл, скончался — вспомнил снова.

Все так — часы спешат, стучат часы с кукушкой.
А мир гремит, как град, как мальчик с погремушкой.

2020

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СЕРИИ «ЛЮ»

I

так будет — или нет — так бу
я вымолю у бо отсрочки
и спрячу опыт и судьбу
в короткие — как ночи — строчки

забуду бо(ы)ль и пыль стряхну
с подошв кирзы выдавшей виды
и вылью в унитаз стряпню
из неудач тоски обиды

жить это жуть но я терплю
мечась меж пиршеством и схимой
...а счастье — в тихом слове лю
в объятьях женщины лю-бимой

II

это судьбой оказалась love story
это с тобой съели соли пуды
это с тобой восхитительно море
а без тебя просто много воды

это с тобой мысли выше и чище
это с тобой я табунщик удач
это с тобой расцветает жилище
а без тебя превращается в срач

это с тобой даже по бурелому
можно ходить не пугает ходьба
это судьба не сказать по-другому
это судьба

2019

КЛАССИКИ РУССКОГО АВАНГАРДА

КОНСТАНТЫ ЕВГЕНИЯ КРОПИВНИЦКОГО

Примитивная живопись словом?
Но это — высокий примитивизм, сквозь который проступает мудрость, свойственная векам:

Вот следы былой культуры:
Бюсты, торсы разные.
Это — фавны праздные,
Это, кажется, амуры.

Это, может быть, лемуры —
(Очень безобразные!)
Это — (дело ясное!) —
Троглодит... (Какой он хмурый!)

Простыми лентами Е. Кропивницкий проводит летопись былого: оно выпукло: названный лемур сейчас наденет очки (как на картине Босха) и откроет тяжелый фолиант, чье содержание останется тайной.

Тайной извечно является и вещество поэзии — та, едва ли подлежащая словесной формулировке субстанция, что оставляет четкое ощущение: вот это стихи...

Разно толкуя жизнь, Кропивницкий делает меткие (в рифму, конечно) замечания, касающиеся таких, казалось бы, мелочей, что задумаешься — а дело ли стихов притрагиваться к оним?

Потом понимаешь: дело, ибо мелочей нет, ибо жизнь соткана из тысяч и тысяч подробностей, и каждая достойна поэтического истолкования:

Вещи прячутся. Бывает —
Ищешь, ищешь — не найдешь.
Все вокруг переберешь —
Нету вещи — как растает.

Но проходит день, другой —
Смотришь — вещь лежит на месте.
А ведь ты глядел раз двести
В этом месте, дорогой!

Состояние, знакомое большинству, ситуация, известная всем, — но: повернется нечто, и блеснет алмазик поэзии.

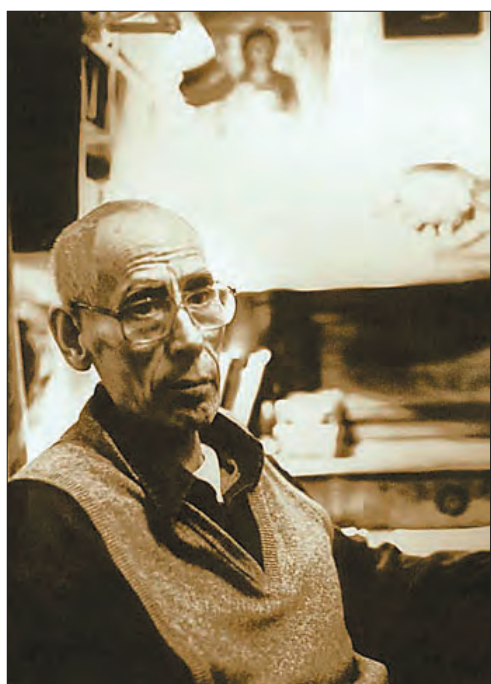
Ироничные и легкие, тяжело груженные смыслом, стихи Кропивницкого — как летопись разнообразия жизни, и много красок играет, и переливаются эмоции, и блистают формулы выводов.

Но главное — что все это живет подлинностью поэзии.

Александр БАЛТИН

ХОЛМЫ ИГОРЯ ХОЛИНА

Холмики жизни — гор не предвидится, даже холмы отыскать трудно; жизнь барачная, мрачная, наждачная правда ее, водка, льющаяся повсеместно: стоит ли о такой?

Дамба. Клумба. Облезлая липа.
Дом барачного типа.
Коридор. Восемнадцать квартир.
На стенке лозунг: МИРУ — МИР!
Во дворе Иванов морит клопов, —
он — бухгалтер Гознака.
У Макаровых пьянка.
У Барановых драка.

Вот и все стихотворенье — хоть даже муха не садилась на варенье.

Точный карандашный рисунок не сильно привлекательно и такого родного мира; точный, не линяющий карандашный рисунок словом, исполняемый Холиным, остается, хотя тот мир исчез.

Со всем замечательным и ужасным: Холин видел только ужасное: вернее — рутинное, повседневное, тусклое — но рисовал его с такой острой точностью, что запоминалось, поражаало чем-то...

Кто-то выбросил рогожу.
Кто-то выплеснул помои.
На заборе чья-то рожа,
надпись мелом: «Это Зоя».

Двое спорят у сарая,
а один уж лезет в драку.
Выходной. Начало мая.
Скучно жителям барака.

Стихи Холина будто бесконечно растянутая иллюстрация на тему гоголевского тезиса: Скучно на этом свете, господа!

В пределах этой скуки можно иронично завязать драму в четыре строки:

Познакомились у Таганского метро.
Ночевал у нее дома.
Он — бухгалтер похоронного бюро,
Она — медсестра родильного дома.

...поскольку жизнь и смерть сближены часто на больничной территории, и родильный дом торцом упирается в морг, то получается точно, и как-то... ошарашивает...

У Холина все стихи такие — краткие, точные.
Они — как холмы.
А все же хочется гор...

Александр БАЛТИН

РЕКЛАМА

Издательство Евгения Степанова

СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ВЫПУСКЕ СТИХОТВОРНЫХ КНИГ

серия «АВАНГРАНДЫ»

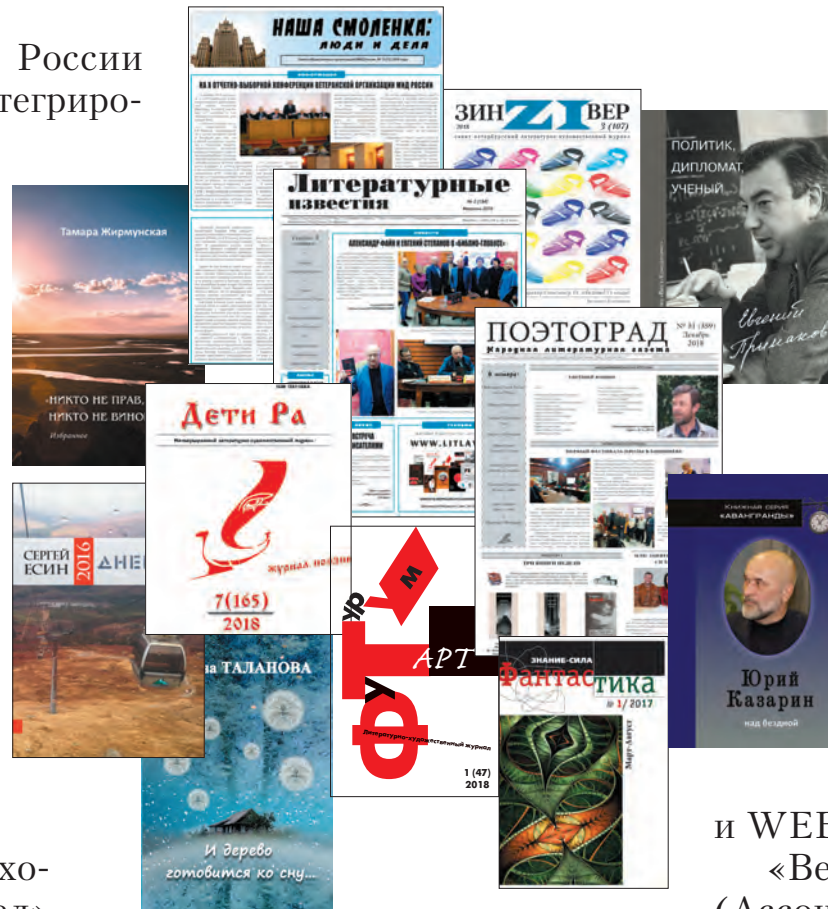
РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 17 ЛЕТ.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на бол-

гарском языке, выходит с 2010 года), телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 300 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), дважды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanov@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

По горизонтали:

1. Автор романа «Юлиан Отступник»
6. Автор стихотворения «Заклятие смехом»
8. Автор поэмы «Анна Снегина»
10. Автор романа-антиутопии «Мы»
12. Автор поэмы «Реквием»
13. Автор романа «Вратарь республики»

По вертикали:

2. Автор романа «Два капитана»
3. Автор пьесы «Вишневый сад»
4. Автор романа «Гражданин Галактики»
5. Автор романа «Счастливчик Старр»

7. Автор романа «Отцы и дети»

9. Знаменитый литературный критик, которого называли «Неистовый Виссарийон»

11. Автор романа «Мальчик со шпагой»
14. Автор повести «Собачье сердце»
15. Автор детской сказки «Федорино горе».

Кроссворд составила Ольга ЕФИМОВА.

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com.ru) и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы:

www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>,
<http://lit-iz.livejournal.com>, <http://www.facebook.com/litizvestia>

E-mail:

stepanov@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Владимир Бояринов, Константин Кедров, Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Обозреватели

Ольга Денисова (соб. кор. в Санкт-Петербурге)

Наталья Лихтенфельд (соб. кор. в Германии)

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков, Наталья Лихтенфельд

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии «Новый взгляд».

394016, г. Воронеж, ул. Славы, д.13 а. Заказ № ????. Общий тираж 5000 экз.